

Научная статья

УДК 340.13

doi 10.46741/2713-2811.2023.23.3.004

Специфика государственно-правовых идей Ф. М. Достоевского и их современное значение

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

А н н о т а ц и я . В статье осуществлен анализ концептуальных положений государственно-правовых идей Ф. М. Достоевского в контексте современных проблем развития государства и права. Автором показаны сложность и глубина взглядов Достоевского, антиномичность понимания им сущности государства и права, взаимосвязи государственной власти и народа, права и морали, специфики русского самодержавия, выявлены тенденции дальнейшего смыслового развития его основополагающих идей. Обосновывается методологическое значение идеи Достоевского об ограниченности государственной юридической рациональности в силу «несоизмеримости ее с человеческой душой», актуализированное в контексте наблюдаемой сегодня тенденции тотальной юридизации жизни человека и общества. Сформулированная Достоевским идея суда не только как кары, но и спасения и возрождения погибшего человека трактуется автором статьи как важнейшее мировоззренческое основание гуманизации современного правопонимания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : государство; право; монархия; самодержавие; почвенничество; православие; мораль.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Оботурова Н. С. Специфика государственно-правовых идей Ф. М. Достоевского и их современное значение // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 3 (23). С. 39–45. doi 10.46741/2713-2811.2023.23.3.004.

Original article

Specifics of F.M. Dostoevskii's State-Legal Ideas and Their Modern Significance

NATAL'YA S. OBOTUROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

A b s t r a c t . The article analyzes conceptual provisions of F.M. Dostoevskii's state-legal ideas in the context of modern problems of the development of the state and

law. The author shows the complexity and depth of Dostoevskii's views, antinomian understanding of the essence of the state and law, relationship between state power and the people, law and morality, specifics of the Russian autocracy, trends of further semantic development of his fundamental ideas are revealed. The methodological significance of Dostoevskii's idea of the limitation of state legal rationality due to its "incommensurability with the human soul" is substantiated, actualized in the context of the trend observed today of total legitimization of human life and society. The idea of the court formulated by Dostoevskii not only as punishment, but also salvation and rebirth of a deceased person is interpreted by the author of the article as the most important ideological basis for humanization of modern legal understanding.

Key words: state; law; monarchy; autocracy; native thought; Orthodoxy; morality.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Oboturova N.S. Specifics of F.M. Dostoevskii's state-legal ideas and their modern significance. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 3 (23), pp. 39–45. doi 10.46741/2713-2811.2023.23.3.004.

Политико-правовые взгляды Ф. М. Достоевского привлекали пристальное внимание не только его современников, но и исследователей последующих поколений, не утратив своей значимости и сегодня. В истории русской общественной мысли Достоевского принято относить к «почвенникам» – умеренному крылу позднего славянофильства, пытавшемуся «перенять знамя у выбывших из строя ранних славянофилов» [1, с. 135] и преодолеть противоречия между славянофилами и западниками. Идейное кредо почвенничества было сформулировано Достоевским в объявлении о подписке на журнал «Время», который он издавал вместе с Н. Н. Страховым и А. А. Григорьевым. Отмечая одновременно и «всечеловечность» позиции издания, и укорененность ее в родной почве, он писал: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» [2, т. 18, с. 37]. Подчеркивая самостоятельность и самобытность русского народа, писатель отмечал, что для их выражения необходимо «создать себе форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей» [2, т. 18, с. 37]. Сегодня государственно-правовые идеи Достоевского, патриотические по своей сути, не только не утратили своей актуальности, но напротив, их значимость возросла в связи с усиливающейся борьбой за сохранение российской цивилизации, ее цивилизационной идентичности и самобытности в противостоянии с коллективным Западом.

В исследованиях творчества Ф. М. Достоевского преобладает интерпретация его государственно-правовых идей как монархических, хотя их сущность трактуется неоднозначно. Так, например, современник писателя К. Н. Леонтьев, развивавший славянофильскую концепцию исторического процесса, давая высокую оценку глубине монархических воззрений Ф. М. Достоевского, не соглашался, однако, с его мнением о направляющей верховную власть роли народа. Вяч. Иванов считал монархизм Ф. Достоевского славянофильским, утопическим, оппозиционным современной ему форме самодержавия. Н. А. Бердяев, анализируя мирозозерцание

Достоевского, полагал, что отношение писателя к государству не было до конца продуманным, а в его монархизме «можно найти элементы своеобразного христианского анархизма и христианского социализма, столь противоположного анархизму атеистическому и социализму атеистическому» [3, с. 140].

В исследованиях советского периода основной акцент делался на гуманизме творчества Ф. М. Достоевского, а стремление представить его исключительно как защитника народных интересов приводило к тому, что анализ политико-правовых идей ограничивался «отдельными замечаниями о монархических взглядах писателя», которые оценивались как реакционная часть его мировоззрения» [4, с. 13]. Подчеркивалась противоречивость политических взглядов Достоевского, который, с одной стороны, «страстно призывал народ к исторической жизни, горячо жаждал услышать от него “новое слово” [5, с. 23], с другой же – полагал, что «это “новое слово” уже давно раз навсегда сказано и что высшим выражением вековых идеалов русских народных масс является “союз народа с царем”» [5, с. 23]. Такая неоднозначность оценок идей Достоевского обусловлена, думается, не какой-либо их неясностью, а сложностью и глубиной, тем, что «мысль Достоевского все время движется в линиях антиномизма, его положительные построения имеют рядом с собой острые и решительные отрицания, но такова уже сила и высота мысли его» [6, с. 482].

Ф. М. Достоевский, как и другие почвенники, подчеркивал неизбежный характер возникновения государства в России, необходимого ей для сопротивления внешней агрессии с Востока и Запада. Так, например, единомышленник Достоевского Н. Н. Страхов в статье «Роковой вопрос», написанной им по поводу польского восстания, отмечал значение Российского государства как единого видимого и ясного проявления народного духа, благодаря которому мы можем вести свою независимую жизнь. Государственная целостность России была создана в противостоянии западной цивилизации, которая никогда не считала нас членом своей семьи, несмотря на наше горячее стремление с ней породниться. В результате образовалось огромное и крепкое государство, дающее нам возможность самостоятельной жизни, благодаря тому, что «в нас таится глубокий и плодотворный дух, который хотя еще не проявился ясно и отчетливо, но уже ревниво охраняет свою самостоятельность и не дает над собою власти никакому чуждому духу, который настолько крепок, что способен отталкивать всякое влияние, мешающее его самобытному развитию» [7, с. 152].

Подчеркивая ценность и силу государственной власти, Достоевский признавал единственным для России способом управления государством самодержавие, так как именно организация государственной власти в форме самодержавия обеспечивает свободу эволюции нравственной и социальной сфер жизни общества, охраняет русский народ не только от внешних посягательств, но и внутреннего разложения. Признавая монархическую форму правления единственно возможной для России, Достоевский «явно понимал сложность и неоднозначность ее сущности, пытаясь определить для себя особенности русского самодержавия» [4, с. 9]. Оценивая специфику и уникальные возможности верховной власти в России, Достоевский отмечал ее глубокую укорененность в истории, традиции, по его мнению, «наша европейская слава произошла вовсе не от петровской реформы... – а именно

от древненародного русского взгляда на власть царскую (как неограниченного повелителя), – власть, на которую не посягнул Петр ввиду уж слишком явной для себя же невыгоды, и которая изумила Европу и мир своею силою и целокупностью (последнее проявление этой силы – освобождение крестьян по одному лишь царскому слову)» [2, т. 21, с. 268].

Уникальность русского самодержавия, с точки зрения Достоевского, заключается в народном характере русской монархии, о котором более всего свидетельствует отношение русского человека к царю как к отцу, а живая связь царя с русским народом является древним фундаментом, на котором строится русская государственная власть. По мнению Достоевского, для народа царь является всеединяющей силой, «которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его» [2, т. 27, с. 21–22]. Сама идея монархической формы правления заключается в том, что царь является ставленником Бога, гарантом православной веры и высоких нравственных ценностей, его труды направлены на защиту духовности народа от деградации, а его воля – воля Божья, приведение к исполнению его решений происходит не столько силой принуждения государственной системы, сколько богобоязнию русского народа, страхом Божьим. Таким образом, самодержавие рассматривается Достоевским не как единоличное правление царя, а как «его правление в единстве с народом, по сути, вид народного самоуправления» [8, с. 84].

Означает ли вышесказанное, что Достоевский идеализирует царя и монархическую форму правления? Полагаем, что однозначно нет, так как в произведениях писателя мы находим абсолютно реалистичные оценки носителей верховной власти. Так, например, в «Записных книжках 1872–1875 гг.» Достоевский отмечает, что «народ иными древними наследными властителями нашими, их уродливою волей обращен был в податную единицу» [2, т. 21, с. 255], а по поводу «Публичных чтений о Петре Великом» историка С. М. Соловьева запишет, что «ошибка историка Соловьева та, что всю историю у Петра нет ошибок. Это не история, а панегирик» [2, т. 21, с. 271]. Достоевский не идеализировал русское самодержавие, но верил в его особые возможности, основанные на сформированном веками отношении русского народа к царю как к отцу, предполагающем и ответное отеческое отношение государя к народу. Именно такие «взаимоотношения царя и народа позволяли Ф. Достоевскому верить в “особливость” самодержавия в России и возможные перспективы демократического развития общества “по манию царя”» [4, с. 13].

Оценивая самодержавие как власть, способную дать обществу «все свободы разом» (подтверждением чему было освобождение крестьян «сверху»), Достоевский имел в виду, прежде всего, идею монархии, ее возможности, вполне реалистично при этом относясь к ее современному состоянию. Государственная организация общества, с точки зрения Достоевского, хотя и необходима в земной, грешной жизни, но ни в коем случае не может рассматриваться пределом общественного совершенства. Идеальным вариантом конечного итога развития русского государства почвенники видели, как и их предшественники ранние славянофилы, преобразование государственного аппарата в свободную общину на основе соборности. Власть в этом случае изменится от принудительного единения народа к вольному обществу

православных в вере. У Достоевского эта идея выражена словами отца Паисия из «Братьев Карамазовых»: «Господь наш Иисус Христос именно приходил установить церковь на земле. Церковь же есть воистину царство и определена царствовать, и в конце своем должна явиться на всей земле несомненно – на что имеем обетования» [9, с. 67].

Правовые взгляды Достоевского неотделимы от его представлений о сущности и предназначении государственной власти и основаны на утверждении приоритета духовно-нравственных регуляторов над юридическими, формальными правилами поведения. Закон понимался Достоевским как более низкая, по сравнению с моралью, ступень в развитии человека, так как он принудительно ограничивает поведение человека, в то время как поступки человека должны быть основаны на свободном выборе и исходить из христианской совести. При этом, как справедливо отмечает М. А. Монин, Достоевский не имел в виду конкретно-историческое качество закона, «речь не идет о хороших или плохих законах или хорошем или плохом государстве – ошибка, скорее, заключена в самом принципе, на котором оно основано» [10, с. 128]. Особенно выразительно эта идея развита в романе «Братья Карамазовы», который ряд исследователей считают литературным отражением процесса перехода от патерналистской судебной системы к формально-юридической.

Достоевский описывает сцену суда нового типа, происходящего состязательно, публично, с привлечением присяжных, и показывает, что, несмотря на все преимущества такого суда, «главного – то есть степени вины Дмитрия – он разрешить не смог» [10, с. 134]. Более того, соблюдение всех процессуальных правил и норм не только не позволило суду установить истину, но, напротив, привело к осуждению Дмитрия Карамазова за несовершенное им преступление, в то время как Иван Карамазов, желавший смерти отца и руками Смердякова лишивший его жизни, юридически невиновен. Дмитрий Карамазов, формально-юридически признанный судом виновным в убийстве отца, а фактически его не совершавший, принимает обвинение и хочет пострадать не за то, что убил отца, а за то, что хотел убить. Он заявляет суду о том, что «неправда, что убил отца, ошибся прокурор» [9, с. 961], но «коль осудите – сам сломаю над головой моей шпагу, а сломав, поцелую обломки!» [9, с. 961]. Таким образом, Достоевский развивает одну из центральных своих правовых идей – идею несоизмеримости государственной юридической рациональности с человеческой душой, потому что «широк человек», а государство пытается его сузить до эмпирических проявлений, материалистической каузальности. Именно в силу этой принципиальной несоизмеримости с человеческой душой государственная юстиция, по мнению Достоевского, неэффективна, она не может ни предупредить преступление, ни исправить преступника, ни обеспечить справедливость судебного решения.

Отметим, что развитие этой идеи не означает правового нигилизма, но оно указывает на понимание Достоевским права как конкретно-исторического, ограниченного в своих возможностях механизма регулирования общественной жизни, который в перспективе должен уступить место «альтернативной юстиции», которая значительно справедливее и гуманнее государственной, то есть со всех точек зрения эффективнее» [10, с. 129]. Картину такой альтернативной юстиции Достоевский в общих принципиальных чертах показывает в небольшом эпизоде «Братьев Карамазовых», в котором старец Зосима, разговаривая с женщинами, одна из которых

совершила убийство, произносит: «греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную Божью любовь» [9, с. 109]. Однако в конце романа появляется и опровержение этой альтернативной юстиции, подчеркивающее неприменимость ее к конкретным эмпирическим обстоятельствам. Прокурор на суде в ответ на призыв защитника подавить преступника милосердием заявляет, что «преступнику только того и надо, и завтра же все увидят, как он будет подавлен! Да и не слишком ли скромнен защитник, требуя оправдания подсудимого? Отчего бы не потребовать учреждения стипендии имени отцеубийцы для увековечения его подвига в потомстве и в молодом поколении?» [9, с. 959]. Через эти антиномии Достоевский приходит к формулировке идеи суда, которую он дает словами защитника Дмитрия Карамазова Фетюковича о том, что «русский суд есть не кара только, но и спасение человека погибшего! Пусть у других народов буква и кара, у нас же дух и смысл, спасение и возрождение погибших» [9, с. 957].

Таким образом, действительно, можно согласиться с В. В. Зеньковским, что сила и высота мысли Достоевского в том, что она все время движется в линиях антиномизма, и это позволяет ей выявлять такие грани рассматриваемого предмета, которые неподвластны обычной логике. Достоевский не создал законченной системы государственно-правовых представлений в привычном понимании, но его заслуга в этой области состоит в том, что ему удалось выявить универсальные, непреходящие, не утратившие своей значимости и по сей день проблемы и противоречия в существовании и развитии государства и права в их историческом и метафизическом контексте. Идеи Достоевского о соотношении государства и общества, права и морали, власти и народа, о необходимости сохранения высшей государственной властью единства с народом как источника ее силы, его отсылки к тысячелетней истории, памяти, традициям и вере предков как основам нашей идентичности и духовной безопасности сегодня остаются актуальными и с точки зрения внутривнутриполитического развития [11], и в контексте цивилизационного развития России в условиях глобального противостояния, развернувшегося в современном мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996. 496 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990.
3. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М. ; Берлин, 2015. 395 с.
4. Гурьянова Н. С. О монархизме Достоевского // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 7–13.
5. Фридлиндер Г. Достоевский и мировая литература. М., 1979. 423 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Ростов н/Д, 1999. Т. 1. 544 с.
7. Страхов Н. Н. Роковой вопрос / Н. Н. Страхов (Русский) // Время. 1863. № 4, о. II. С. 152–163. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/18803> (дата обращения: 27.05.2023).
8. Моторин А. В. Достоевский о русском самодержавии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 81–88. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88.

9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы : роман / вступ. ст., примеч. Б. Тарасова. М., 2005. 1008 с.
10. Монин М. А. Анархизм Достоевского // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 128–139.
11. Нагорных Р. В. Государственная служба Российской Федерации в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики административно-правового регулирования. М., 2018. 190 с.

REFERENCES

1. Levitskii S.A. *Ocherki po istorii russkoi filosofii* [Essays on the history of Russian philosophy]. Moscow, 1996. 496 p.
2. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, 1972–1990.
3. Berdyaev N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevskii's worldview]. Moscow; Berlin, 2015. 395 p.
4. Gur'yanova N.S. On Dostoevskii's monarchism. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*, 1998, no. 2, pp. 7–13. (In Russ.).
5. Friedlander G. *Dostoevskii i mirovaya literatura* [Dostoevskii and world literature]. Moscow, 1979. 423 p.
6. Zen'kovskii V.V. *Istoriya russkoi filosofii: v 2 t. T. 1* [History of Russian philosophy: in 2 volumes. Volume 1]. Rostov on Don, 1999. 544 p.
7. Strakhov N.N. Fatal question. *Vremya = Time*, 1863, no. 4, pp. 152–163. Available at: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/18803> (In Russ.). (Accessed May 27, 2023).
8. Motorin A.V. Dostoevsky on Russian autocracy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin MSRU. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 81–88. (In Russ.). doi: 10.18384/2310-7278-2021-3-81-88.
9. Dostoevskii F.M. *Brat'ya Karamazovy: roman* [The Brothers Karamazov: novel]. Moscow, 2005. 1,008 p.
10. Monin M.A. Dostoevskii's anarchism. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 128–139. (In Russ.).
11. Nagornykh R.V. *Gosudarstvennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: problemy teorii i praktiki administrativno-pravovogo regulirovaniya* [State Service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: problems of theory and practice of administrative and legal regulation]. Moscow, 2018. 190 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

NATAL'YA S. OBOTUROVA – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5430-5059>

Статья поступила 05.06.2023